

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИВАН БЕЗРОДНЫЙ

МАССАНДРАГОРА

РОМАН

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б39

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1029

Художник
В. Федоров

Безродный И. В.
Б39 Массандрагора: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 378 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2288-3

Казалось бы, теперь он — царь горы, он — повелитель Вселенной. Потому что Павлу открылась тайна параллельных миров — ни больше ни меньше! Он хотел стать знаменитым, хотел разбогатеть. Он хотел быть просто счастливым... Но Мультивселенная просто так не отдает свои сокровища. «Сначала, — насмехается она, — разберись со своими двойниками, потом с бандитами, познакомься с посвященными, сталкерами и таинственными Хранителями... Затем выберись из Большого Метро, построенного древней расой Предтечей, победи оставшихся врагов в неизведанных землях, и вот если уж останешься в живых да спасешь своих друзей и любовь, то... В общем, время покажет». И Павел начал бороться. Ведь все начинается с малого.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Безродный И. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2288-3

В поисках рая вы не пропустите ад...

В самом начале апреля у Богдана родилась дочь, уже вторая. Они, как водится, широко отметили это в офисе, и Пашка хорошенько нагрузился спиртным. И хотя банкет можно было и продолжить, он пересилил себя и незаметно улизнул — на завтра скопилось много работы, хотя он вовсе не был уверен, что примется сегодня за нее. Доковыляв до станции метро, принял решение освежиться на ее пандусе, выкурив еще одну сигаретку — для полного счастья.

Он привалился к железной опоре, глубоко вдохнул и непослушными руками вытащил смятую пачку «Winston». В очередной раз вспомнилось его позорное бегство из магазина Алины. Это же надо было так лохануться! Хуже некуда. Позорище. Лучше никому не рассказывать.

Первую сигарету он умудрился сразу же сломать, а вторая все никак не хотела поджигаться. Все это словно говорило: «Бросай, бросай курить!», но подлые водочные пары делали свое дело. Пашка ругнулся, снова вдохнул и продолжил безуспешно щелкать зажигалкой.

— Разрешите, я помогу!

Он увидел перед своим носом размытое пятнышко шевелящегося огонька.

— Мм? — Мотая головой, Пашка поднял взгляд и с трудом сфокусировал его на невысокой и очень полной девушке-готессе — в татуировках, с ирокезом, густо разрисованными черной краской глазами, бровями и губами, в кожаной куртке и почему-то светло-голубых джинсах. Куртка, несмотря на довольно прохладную погоду, была расстегнута, и Пашка не без труда прочитал надпись на ее ожидаемо черной футболке: «Покажи мне свою задницу, и я скажу, кто ты».

— О, преогромное сенькс! — манерно поклонился Пашка и, причмокивая, с шумом затынулся. — А вы тут, барышня, по делам или как?

— По делам, — задорно повела плечами незнакомка. — А ты?

— А я с работы иду, — икнув, сообщил он.

— Хорошая у тебя работа, я посмотрю. А хочешь, я тебе что-то на ушко скажу? — предложила воительница, придвинувшись к нему вплотную.

— Не-а! — насторожился Пашка. — Не очень-то... ваще-та...

— И все же! — настойчиво произнесла девушка и вдруг с силой обхватила Пашку за шею.

— А ну пусти! — зашипел он, почувствовав терпкий запах пота незнакомки.

— погоди, милоч, одну минутку, и все пройдет...

Стоило удивиться, наверное, довольно нестандартному для гота словечку «милоч», но Пашка не успел, вдруг почувствовав легкий укол в шею. Он с силой оттолкнул девушку, и та чуть не упала.

— Ты чего это?! — заорал он.

На них стали оглядываться.

— Извини, извини, это сережка у меня такая колючая, — с невинным видом залепетала девушка. — Не обижайся, ладно?

— Да пошла ты! — Пашка кинул сигарету и рассерженно пошел к входу в вестибюль.

Эскалатор практически сразу успокоил его. Мерное гудение и неторопливая езда внушали безмятежность и даже некоторую умиротворенность. Впрочем, это все могло быть и действием безмерного количества водки, а потому расслабляться не стоило. Так можно было и вниз наvertнуться, сломав себе шею. Пашка схватился крепче за поручень. И что теперь требовалось от пассажира? Правильно, не совать под него пальцы.

Переведя дыхание, Пашка пригоршней пригладил непокорные вихры. Поднимающиеся на соседнем эскалаторе девушки с интересом посмотрели на него, но, заметив его ух-

мыляющееся лицо, захихикали и тут же отвернулись. Пашка запоздало показал им язык.

Молодые особы женского пола часто засматривались на этого статного четверокурсника — худощавого шатена чуть выше среднего роста, спортивного телосложения, с небольшой головой и несколько мелкими чертами лица. Многие отмечали его курчавые волосы, мягкий взгляд серых глаз, детские ямочки на щеках, но при этом мужественный, почти квадратный подбородок.

Пьянки-праздники у Пашки случались не часто, но двумя-тремя рюмками никогда не обходилось, в этом-то и заключалась его извечная проблема. В конечном итоге положение спасал лишь знаменитый «автомат», доводящий своего хозяина до квартиры в целости и сохранности. Впрочем, на этот раз хозяин был достаточно адекватен.

Загодя подготовившись, Пашка косолапо перепрыгнул последнюю ступеньку эскалатора, уже готовящуюся распластаться и нырнуть вниз. Посвистывая, он пробежал мимо тетки-дежурной в будочке у стенки, в последний момент похулигански хлопнув ладонью по ее пластмассовому колпаку. Эта самая тетка частенько дрыхла на своем рабочем месте, развалившись на алюминиевом стульчике, что всегда вызывало у Пашки определенное недовольство — разве не в ее задачи входило обеспечение безопасности пассажиров питерского метро? Люди будут ноги ломать, а ей хоть бы хны? Как цены на проезд поднимать, так это они завсегда пожалуйста, а как...

Не окончив свою гневную внутреннюю тираду, Пашка завернул за угол к платформе и еле успел прошмыгнуть в уже закрывающиеся двери поезда. Он с облегчением плюхнулся на свободное место между толстым потным дядькой с газетой в руках и теткой средних лет в огромных очках и смешной шляпке. Тетка держала в руках большую электронную книгу с женским романом, выведенным на экран воистину гигантским шрифтом. По незамысловатому сюжету стандартный Леонсио обещал сладкую порцию любви очередной Хуаните. Поезд с шумом начал набирать скорость.

Ну, пьянка пьянкой, а работа, причем любимая работа, свободного времени Пашке не оставляла. Даже в таком со-

стоянии. От «Горьковской» до «Спасской» всего две остановки, но этого было достаточно, чтобы обдумать последние дизайнерские изменения в компьютерной программе, над которой Пашка и его товарищи корпели последний год. Заказавший ее клиент обещал неплохие деньги за все это, а кредит, взятый на покупку всякой офисной всячины, ждать не хотел, да и аренда поджимала. Вот выйти бы в плюс...

А спрашивается, кто просил снимать рабочее помещение на «Горьковской»?! Можно было на проспекте Большевиков — сущие копейки! Да, конец города, далековато ездить... некоторым. Но он же, Пашка, живет именно там, а его родная тетя-хозяйка обещала скидку, и комната там больше, и микроволновка уже была, а...

Поняв, что в очередной раз отвлекается от дела, он с досадой потер лоб и попытался вспомнить точное расположение элементов управления в главном окне программы. Что-то в нижней части экрана было не то, неудобное совсем, это казалось очевидным. Но что именно? Может, если вот эту кнопку переставить туда, а этот ползунок — правее, а еще лучше — сделать его шире и изменить цвет, то тогда... Нет, в нетрезвом состоянии представить себе кнопочку на новом месте было несколько проблематично, это факт.

Но ведь есть же удачные дизайны, действительно красивые, свежие, неожиданные. Говорят, все новое — это хорошо забытое старое. При желании такие элементы можно найти даже в старинных, классических вещах, той же архитектуре Санкт-Петербурга. Вот хотя бы то здание на Каменноостровском проспекте, в котором работала Она. Вензеля над главным входом — тому пример.

Пашка представил эти самые вычурные вензеля, но перед его взглядом вскоре оказалась Она, какой он Ее обычно видел. Наверное, будь у него хоть капелька писательского таланта, он написал бы о Ней рассказ. Или даже повесть. Например, с такими строками: «Она приветствует вновь вошедшего в магазинчик. Она грациозно пробирается меж стоек с дорогими часами и маленьким ключиком открывает необходимую секцию. Она что-то жарко говорит, вдохновляя хмурого и неуверенного посетителя на дорогую покупку. Она с милой улыбкой выдает товар. Какой красивый бантик на ко-

робочке!» — А вот еще: «Едва войдя в салон, Она снимает коротенькую шубку и кружится, демонстрируя свою стройную фигурку: вот я, мол, какая!» — или: «Она шушукается о чем-то с другими девушками, работающими в салоне, и затем они весело смеются».

Но разве другие девчонки сравнятся с Ней? Ее белокурые локоны, волнами падающие на плечи округлых очертаний, тонкая шея, высокая грудь, осиная талия и точеные ножки — все это было пределом совершенства и мечтой поэта, как говорится. А ее чувственный рот, белая кожа, четко очерченные темные брови? Грация рук, словно у балерины, даже простой наклон головы сводит с ума, не говоря уже о...

Пашка потер лоб. Так. Надо сосредоточиться. Васек снова будет рвать и метать. Уже апрель, все сроки уже сорваны, клиент недоволен. Надо собрать волю в кулак. Или не надо? Эх, не нужно было столько пить... У него же должна быть личная жизнь, а как с таким графиком наладить ее? Никакой личной жизни у него, по сути, не было.

Потому что была одна серьезная, очень серьезная проблема: ведь Она совершенно не подозревала о его, Пашкином, существовании. Да-да, они были незнакомы.

Однажды, то ли на второй, то ли на третий день, как они открыли свой офис в том бизнес-центре на улице Мира, Пашка спешил по проспекту, рассеянно пялясь на витрины и вяло раздумывая о том, бросить ли ему курить именно сегодня, потому что только что закончилась пачка «Winston», или все-таки купить очередную порцию притягательного яда вон в том магазинчике напротив... Безболезненно и просто бросить курить в той разухабистой компашке, что собиралась «надрать задницу этому миру новой офигительной программой для всех и каждого, ну и еще заработать кучу денег», было практически невозможно.

«Пошли-ка покурим! А вот покурим-ка! Обдумаем! — кричит внезапно кто-то. — Кто не курит, тот ботан!» — Все с веселым гвалтом вскакивают и, гремя креслами и срывая с голов наушники, прутся толпой в курилку, благо их в этом бизнес-центре еще не прикрыли. Проблема бурно обдумывается, иногда даже решается, причем в некоторых случаях почти без крепких выражений, а в атмосферу выпускается

несколько кубометров едкого сизого дыма. После этого выполняется обратный марш-бросок по коридору и лестнице, и в офисе снова воцаряется деловое перестукивание клавиш и нечленораздельное, но удовлетворенное бормотание создателей «самого совершенного программного обеспечения». Однако максимум через час-полтора у кого-нибудь возникает новое затруднение, и весь цикл мозгового штурма посредством никотина повторяется.

Курил Пашка немного, но понимал, что таким макаром он рано или поздно выйдет на уровень целой пачки в день, а то и полутора. Его дядя по маминой линии умер семь лет назад именно от рака легких, это он хорошо усвоил, но вредную привычку все равно приобрел. Так что это безобразие нужно было прекращать. Ну, семечки грызть начать или леденцы там специальные... А пластыри и жевательная резинка с никотином, говорят, чепуха полная — потом еще и от них самих придется отвыкать.

В общем, Пашка увидел Ее в высоком окне старинного серого дома стиля декоративный модерн недалеко от Австрийской площади — здесь располагался магазин часов, правда, весьма дорогих брендов, о которых он пока мог только мечтать, но планировал купить где-нибудь через полгода, как только дела наладятся, ведь бизнес-то у них скоро пойдет в гору, еще как!.. Это знаменательное событие случилось в конце февраля, ближе к вечеру. Он в тот день пораньше свалил с работы — нужно было помочь сестре с переездом к нему домой: она только что развелась со своим чокнутым муженьком, которого Пашка, честно говоря, всегда недолюбливал. Снега уже почти не было, только грязные островки у столбов и в подворотнях. Дул промозглый ветер, под ногами мрачно чавкала слякоть, а мимо с ревом проносились грязные, на одно «лицо» машины, расплескивая по сторонам свою порцию грязи. Кружась в замысловатом танце, с неба падали редкие ленивые снежинки, они щекотали прохожим носы.

Она стояла за прилавком в мягком, словно медовом круге света и аккуратно вынимала из коробочек часы, раскладывая их на бархатную стойку. Слегка наклонив голову, девушка еле заметно улыбалась своим мыслям. Потом что-то сказала кому-то невидимому, прогуливающемуся по залу. Пашка за-

медлил шаг, кинул на нее косой взгляд и... проследовал дальше. Нет, в первый раз Она его не впечатлила.

Как, впрочем, и во второй и в третий. Да и замечал-то он ее далеко не каждый раз. Он что, маньяк разве какой, подглядывать в каждое окно?! Хотя Ее он запомнил, конечно. Сначала просто как знакомый объект — такого по пути на работу и обратно навалом. Потом как девчонку, обычную девчонку, и этого добра в Санкт-Петербурге хватает. Но позже, когда казалось, что он даже знает, как Ее имя, настолько часто он видел Ее за окном, перед ним возникла действительно симпатичная девчонка, затем очень даже симпатичная девушка, а потом... ох ты, а ведь...

Пожалуй, это случилось именно тогда, в середине марта, когда они столкнулись почти что нос к носу у дверей магазина. Правда, Она его совершенно не заметила. Летней бабочкой девушка пропорхнула мимо Пашки к двери, легко распахнула ее и юркнула внутрь, оставив за собой сладковатый аромат девичьих духов.

— А вот и я! — услышал он ее голосок впервые. Это был звон хрустальных колокольчиков. — Посмотрите, какую я блузку отхватила вчера!

Стоя на паре внутренних ступенек, ведущих в зал, Она мигом скинула с себя шубку — пушистую, коротенькую, изящную и явно недешевую, оказавшись в голубой блузке. «Как ей было не холодно?!» — удивился Пашка. Нетипично холодный для Питера март не располагал к солнечному теплу. Впрочем, девчонки любят пофорсить.

И тут его словно током ударило. Стоя прямо посередине тротуара и беспомощно хлопая глазами, он пялился на то, как Она вертится перед продавщицами.

— Молодой человек! — вывел его из транса раздраженный голос маленькой старушки. — Вы вот тут встали как бульдозер, а мне вас ну никак ни объехать, ни обойти!

— Извините, — пробормотал Пашка и оторопело отошел в сторону.

— Молодость, молодость... — потеплевшим голосом проворчала старушенция и протрусила дальше. — А чего ты стоишь? Ну зайди, чего там! Не стесняйся...

Пашка вздрогнул, окончательно очнулся и заспешил в офис. Кажется, он влюбился.

После этого он потерял и сон и аппетит. И никотиновая доза из-за нервов существенно увеличилась. На пути в офис и домой он почти каждый день потихоньку подкрадывался к магазину и пытался рассмотреть Ее сквозь витрину, делая вид, что ему вот именно тут надо постоять и подымить, или позвонить по телефону, или внезапно задуматься. А пару раз он возился со шнурками на ботинках. В общем, «полный Штирлиц».

Как его до сих пор не заметили и не вызвали полицию, оставалось загадкой. Впрочем, на проспекте всегда было порядком народу. Она же среди рабочего дня на улицу никогда не выходила, да и у прилавка Ее не часто было можно увидеть, но в те радостные моменты, когда он видел Ее, его мир озарялся светом и милым очарованием.

Пашка знал, что нужно действовать. Но одно дело — знать, а другое — делать. Он не был из робкого десятка, фигурой и ростом бог тоже не обидел, но разве проблемы с девчонками решаются «броском-переворотом»? Когда дело касалось знакомства с представительницей прекрасного пола, его просто вгоняло в ступор, и ничего он поделать с собою не мог.

В последний день марта он таки решился: попримечнее оделся, исключительно чисто побрился и надушился дорожными духами. И даже с обеда не курил. Отпросившись пораньше, Пашка прискакал к салону, хорошенько прокашлялся перед ним и нетвердой походкой вошел внутрь.

Он решил сделать вид, будто ему нужна подробная информация по каждому наручному часам, что у них в наличии. А там, глядишь, разговор мог завязаться. Правда, втайне, где-то глубоко в душе, он желал, чтобы Ее сегодня не оказалось на месте — тогда он просто извинится и уйдет. Значит, типа не повезло.

Колокольчик над дверью громко, предательски звякнул, и девушка у кассы подняла голову. Это была не Она. Немного успокоившись, Пашка, изображая из себя состоятельного бизнесмена, любимца женщин, а также знатока вина и лошадей, подошел к ближайшей стойке, глубокомысленно хмык-

нул (мол, ничего хорошего не вижу) и собрался было убежать, как кассир крикнула:

— Алина, подойди, пожалуйста, — тут клиент!

— Да-да, секундочку! — услышал он тот самый хрустальный голосок, донесшийся откуда-то сбоку. — Я сейчас!

Волосы у Пашки тут же встали дыбом, сердце ухнуло, и даже уши, казалось, зашевелились. На лбу выступила испарина. Наверное, так сильно он не пугался с детства. Ойкнув, рванул к двери, изо всех сил толкнул ее, да так, что колокольчик над ней поперхнулся, и вылетел вон.

— Станный, — успел услышать Пашка вдогонку.

После этого он несколько дней ходил к станции «Горьковская» другим путем, по Кронверкскому проспекту — так было безопаснее. Впрочем, он боялся встретить Ее и у метро. Он не знал, где Она живет, но ему казалось, что ездит Алина не на машине (а теперь он знал Ее имя!). В общем, он изображал из себя шпиона и старался никому не попадаться на глаза, даже той самой вечно дрыхнувшей тетке у эскалатора.

...И вот у Богдана родилась вторая дочь. Они и отметили в офисе это событие: а что, знаменательный повод! С этого момента все и началось, постепенно, незаметно и неотвратимо затягивая Пашку в безумный водоворот странных и удивительных событий. Началось то, что на время даже заставило его забыть о коварном Амуре и собственной нерешительности.

Пашка с детства любил слушать тяжелый рок, и чем «запыленнее» было гитарное соло и более забойный ритм, тем лучше. Хотя и от небольшой порции джаза он не отказывался — это было влияние отца. А Джорджа Харрисона он просто глубоко уважал. Все-таки «Битлз» — величайшие основатели рока, одна из немногих групп, кардинально изменивших музыкальный мир.

11 апреля 2009 года один из ее основателей, Джордж Харрисон, погиб в автокатастрофе, в тот год Пашка заканчивал шестой класс. А у Лехиной подруги намечалось празднование дня рождения, но оно по какой-то причине обломалось. Компания друзей, включая Ваську Пименова и Леху по кличке Палач, завалилась в квартиру к Тимохе. Пашка помнил,

что лифт тогда оказался сломанным и им пришлось подниматься на двенадцатый этаж на своих двоих. Запыхавшись, чуть не падая от усталости, они ввалились в квартиру, топоча и охая.

Квартира Тимохи была крохотной, с двумя смежными комнатами, заваленными всяким ширпотребовским барахлом — мать его приторговывала на рынке. Миниатюрная же кухонька, по традиции выкрашенная темно-синей краской, находилась прямо напротив входной двери, и сейчас там сидел ипил горькую отец Тимохи — Антон Сидорович, водитель-дальнобойщик. Довольно брутального вида, лысый, но всегда с жесткой щетиной; с широким шрамом, пересекающим левую скулу, накачанными мышцами и голубыми глазами, он был хмурым, но при этом добрым человеком. Жизнь в свое время порядком потрепала его.

Антон Сидорович опрокинул очередную стопку водки, крякнул и смачно захрустел крепеньким соленым огурчиком. Он был в новеньких черных брюках со строгими стрелками и в майке — гостей тут, видимо, не ждали. От мужчины тянуло еловым запахом.

— Здорова, пацанва, — сказал он как-то грустно. — Опять чего натворили?

— Да нет, пап. — Тимоха усердно стряхивал с ноги туфлю. Он был довольно толстым мальчиком, и наклоняться ему было как всегда лень. — Анька обломила нас с днюхой...

— Она всех обломила, — мрачно резюмировал Леха. Засунув руки в брюки, он исподлобья смотрел на остальных. Более крепкое словцо не решился оглашать. С Аней у него были неустойчивые отношения, если так можно выразиться.

— Здравствуйте, Антон Сидорыч. — Долговязый Васька уже почтительно здоровался с отцом Тимохи за руку. — Как ваше ничего?

— Да ничего, — махнул рукой тот. — Слыхали, Харрисон умер?

— Харрисон Форд, что ли? — с видом знатока осведомился Васька. — Знаем, а как же. «Звездные войны»!

— Какие там войны, какой еще Форд! — возмутился Антон Сидорович.

— «Форд» — это машина, — сдохмил Леха.

— Джордж Харрисон, папа?! — завопил вдруг Тимоха, протискиваясь на кухню мимо друзей. Он был раскрасневшимся и потным — Васька невольно сморщился.

— Именно, сын, он самый... — Секунду подумав, отец налил себе еще одну стопку. — Автокатастрофа, недалеко от Сан-Франциско. Вон в новостях передают.

Он вздохнул и опрокинул рюмку, даже не закусив. По маленькому старенькому телевизору, подвешенному у потолка кухни, Первый канал передавал срочные новости. Показывали скопище полицейских машин, мигалки, санитаров, кровь на асфальте, заплаканные лица прохожих. Брели интервью у какого-то подростка, истерично подергивающего руками.

Пашка, наконец, поздоровался с Антоном Сидоровичем. У дальнобойщика было очень крепкое рукопожатие.

— Он был гитаристом «Битлз», да? — проявил учтивость Пашка. — Жалко...

Он знал, что Антон Сидорович очень любил эту группу, ну, среди прочих седых динозавров вроде «Роллинг стоунз» или Джимми Хендрикса. Против них Пашка ничего не имел, конечно.

— Запомни, Павел, эту дату. — Отец Тимохи все еще не отпускал Пашкину руку, будто от этого зависело что-то очень важное. Кажется, он уже порядком набрался. — Сегодня умер великий человек. Люди когда-нибудь будут боготворить его. Уважай мнение... человечества... Харрисон — это сила.

— Да-да, конечно... — пробормотал Пашка.

Антон Сидорович отпустил его руку и отвернулся. Пашка осторожно вышел в коридор, где его с нетерпением ждали друзья.

— Ну что, какие планы? — спросил Васька. — Может, тогда ко мне пойдём? Мать скоро уйдет к тете Глаше, а...

— Да ну! — буркнул Леха. — У вас вечно «то не трожь, туда не сядь»... Даже не повеселиться толком.

Пашка вспомнил, какой Леха устроил погром на Новый год, перебрав пива, и как Ваське досталось потом от отца-предпринимателя. Квартирка-то у них была упакована по всем правилам... Посидеть можно было бы у него самого, что они и делали в последнее время, а к Тимохе зарулили только

потому, что днюха Ани планировалась в доме напротив, да кто ж знал, что тут лифт отключат?

— Я... это... — Отец Тимохи вышел из кухни, звучно почесывая живот. — По делам пойду. Вы тут не стесняйтесь. Но и не бедокурьте особо.

— Спасибо, Антон Сидорович, большое! — Васька отвесил шутливый поклон. — Мы уж постараемся!

Антон Сидорович криво улыбнулся и прошел в свою комнату. Ребята подождали в комнате Тимохи минут десять, пока отец уйдет, а затем прошмыгнули на кухню. Леха, пыхтя, притащил из прихожей пакет с пивом.

— Ну, господа пионеры, что у нас тут? — Васька открыл холодильник. — Закуска есть! Ах, какая колбаска! И сыр имеется.

— Вы это... того, все-то не сжирайте, — озабоченно пропищал Тимоха. За опустошение холодильника ему от матери могло очень даже попасть.

— «Все-то не сжирайте» — передразнил его Леха, с грохотом ставя пакет на стол. — Не бойсь! Купим, если че.

Тимоха обреченно вздохнул. Друзья есть друзья.

Леха вытащил потертый айфон и, покопавшись в нем, вывел на присоединенные к нему маленькие динамики последний хит Басты. Эту песню он слушал раз десять на день. Он вообще тасился от Тимати, Басты и подобной музыки.

— Рэ-э-п!!! — прохрипел он. — Хип-хо-о-оп!!!

Кухня дрожала от мерных басов и мрачноватого речитатива «за жизнь».

— За что первый тост? — деловито осведомился Васька, поднимая стакан с пенным напитком и обводя всех взглядом.

— А давайте за Джорджа, — внезапно подал голос Тимоха, как правило, особо не выпендривавшийся.

— Чего-о-о? — искренне удивился Леха. — Какого еще Джео-орджа?

— Ну, Харрисон же, — взмолился толстяк, — он только что погиб! «Битлз»! А вы... вы...

— Шарикову больше не наливать! — ухмыльнулся Васька. Леха прихватил Тимохе шею и затряс его.

— Вот я тебе покажу сейчас Бытлз! Баста — и точка! О, классно я придумал, а? — Он радостно засмеялся от своего каламбура. — Баста — и точка! А-ха-ха!

— Отпусти его! — Пашка отпихнул его руку от Тимохи. — Тоже мне, Петросян...

— Ладно, за «Битлз» так за «Битлз», — сказал вдруг с полной серьезностью Васька. — Давайте!

Леха хмыкнул, но успокоился. Они подняли стаканы и, чокнувшись, начали с наслаждением потягивать холодное пиво...

Как ни странно, но традиция прижилась. Каждый год одиннадцатого апреля они специально встречались у Тимохи и поминали Джорджа Харрисона. Правда, Леха постоянно ворчал и иногда эти встречи игнорировал, однако остальные относились к ним очень даже серьезно. Ольга, старшая сестра Пашки, учившаяся уже на втором курсе мединститута, поначалу немного подтрунивала над ними, но потом проняло и ее, и она даже пару раз приходила на эти поминки сама.

И в этом году странности начались именно с нее и Харрисона.

В этот раз Пашка, голова которого была забита Алиной, чуть было не пропустил дату. Чудом вспомнив накануне, уже часов в девять вечера, он схватил телефон и набрал номер Васьки. «Они-то почему молчат?» — недоумевал он.

Однако номер не отвечал. Пашка стоял в коридоре и рассеянно разглядывал свое отражение в зеркале. Над левой бровью алел здоровенный прыщ. Вот еще новая незадача!

— Кому звонишь? — поинтересовалась сестра, выйдя из ванной. Она недавно приняла душ и теперь завязывала на голове тюрбан из полотенца.

— Да Ваське Пименову. Не берет трубку... — пробормотал Пашка. — Завтра ж «Харрисон».

— Мм? — приподняла брови Ольга. — Кино, что ль? Не слыхала.

— Какое кино?! — Пашка принялся звонить Тимохе. — Завтра ж одиннадцатое! Поминки по Джорджу Харрисону, ты что... Не пойдешь с нами?

Сестра задумчиво хмыкнула, внимательно посмотрела на него и медленно прошла в свою комнату, дверь, впрочем, оставив приоткрытой.

— Алло... — раздался в трубке заспанный голос Тимохи. — Привет, Паш. Случилось что?

— Случилось? — озадаченно переспросил Пашка. — Ты чего? Спишь? Завтра-то встречаемся?

— Да у меня завтра зачет по сопромату, вот готовлюсь... А что?

— Завтра одиннадцатое, — терпеливо напомнил Пашка. — Пиво пьем?

— Ну, это зависит от результата, — протянул Тимоха. — Если все о'кей — то можно, хотя у меня тут предки оба в отпусках и постоянно дома торчат, мамка на рынке больше не торгует, а...

— Давайте у меня, — перебил Пашка. — Никаких проблем. Правда, нарушаем традицию, ну что ж...

— Традицию? Какую? — удивился Тимоха.

— Завтра одиннадцатое апреля. День Джорджа Харрисона, — терпеливо напомнил Пашка. — Забыл?

Тимоха промолчал.

— А что Харрисон? — наконец спросил он.

— В две тысячи девятом году он погиб. Мы отмечаем этот день, все вместе. Каждый год. Ты там что, пьяный уже, а?

— Нет, ты что! Я уже года два как ни в одном глазу — печень и три месяца в больничке. Ты меня разыгрываешь?

Странно. Пашка нахмурился и снова воззрился на свой прыщ над бровью, что краснел в зеркале.

— Так ты придешь или нет?

— И кто там будет еще?

Ясно. Чувак не в себе.

— Ладно, я перезвоню, — буркнул Пашка, прервав разговор.

Если они решили больше не поминать Харрисона, то и...

Внезапно телефон в его руке неприятно завибрировал — пошел вызов. Это был Васька. «Слава богу!» — с облегчением подумал Пашка. Вот уж этот человек точно был серьезным. Как-никак руководитель в их собственной софтверной компании!

— Здорово, Фома, — услышал он уверенный голос Васьки. Тот его частенько называл Фомой. Почему — точно ска-

зять уже никто не мог, так повелось еще со средних классов. — Ты чего-то хотел? Случилось что?

— Привет. Завтра у нас годовщина Харрисона. Я тут звонил Тимке, но он уж очень поглощен своим зачетом. Хотел вот напомнить.

— Годовщина кого?

— Джорджа Харрисона, — упавшим голосом повторил Пашка.

— Это который один из Битлов?

— Да, да!

— А ты чего это нервничаешь? Я в общем-то не любитель творчества древности великой, но... Извини, Фома, — голос его понизился, — я тут немного занят... э-э...

— Ясно, — мрачно сказал Пашка. Понятное дело, чем тот был занят! Наверняка какая-нибудь очередная пассия. — Не хочешь — как хочешь.

— Да ты чего это? Кстати, — голос Васьки стал официальным, — ты завтра-то дизайн доделаешь? Как оно, продвигается?

— Да, босс, все ништяк, — буркнул Пашка. — Пойду его допиливать. Пока!

— Удачи!

Связь прервалась. Что же это такое происходит? Лехе звонить было уже бессмысленно.

— Извини, что беспокою, — раздался вдруг голос сестры прямо над ухом.

Пашка от неожиданности отшатнулся.

— Что?

— Пошли-ка, покажу кое-что. — Ольга поманила его пальцем.

— Чего еще? — отмахнулся Пашка.

— Харрисон. Пошли.

Пашка, недоумевая, поплелся за ней.

Ольга широким жестом пригласила его за компьютерный стол. Ее моноблочный «Хьюлет-Паккард» мерцал в полумраке комнаты синеватым светом.

— Википедия, — кратко пояснила она. — Читай.

Пожав плечами, Пашка сел в кресло. В браузере была открыта страничка известной онлайн-энциклопедии. «Джордж

Харрисон (англ. George Harrison; 25 февраля 1943, Ливерпуль — 29 ноября 2001, Лос-Анджелес) — английский рок-музыкант, певец, композитор, писатель, продюсер, ситарист и гитарист, получивший наибольшую известность как соло-гитарист The Beatles».

— Ну? — поднял он на нее глаза.

— Что «ну»? *Когда* он умер: читай внимательнее дату.

Пашка снова уставился в монитор. «29 ноября 2001, Лос-Анджелес». Да нет же! 11 апреля 2009, Сан-Франциско!

— Харрисон погиб в автокатастрофе 11 апреля 2009, около Сан-Франциско, — устало сказал он, — и ты прекрасно знаешь об этом.

Он собрался было уже встать с кресла, но сестра мягко надавила ему на плечо.

— С тобой все хорошо? — участливо спросила она. — Харрисон умер от рака на несколько лет раньше две тысячи девятого, в Лос-Анджелесе. Ты, наверное, что-то путаешь. Может, с Ринго?

— Ринго жив...

— А Маккартни?

— Тоже. А Леннона застрелили в восьмидесятом году, в аэропорту, какой-то поклонник-фанатик. Точную дату не скажу.

— Ну, слава богу! В смысле, что, кроме этого, ты больше ничего не путаешь.

— Мы поминали только Харрисона. — При этих словах Пашка почему-то устыдился. А действительно — почему только Харрисона, а Леннона нет? Когда говорят о «Битлз», первыми упоминаются Джон или Пол. Но за все эти годы этот вопрос у них в мозгах даже не возник.

— Значит, вы его поминали одиннадцатого апреля, так?

— Ну да! И ты с нами была аж два раза.

— Ясно. — Сестра скорбно поджала губы. — Сегодня день розыгрыша, да?

— Вот именно! — вскипел Пашка. — День идиотских розыгрышей!

— Тихо-тихо... — Ольга примирительно вскинула ладонь. — Никто тебя не хотел обидеть. Наверное, ты просто устал. Думаешь, я сама поправила страничку Википедии? Это

легко сделать, согласна. Пожалуйста, но вот Интернет: погугли! Он-то тебе не соврет. Но я действительно не понимаю, о чем идет речь.

Пашка неуверенно пододвинул к себе клавиатуру и запустил поисковик Гугл. Ссылка на Харрисона было очень много, что и неудивительно. Станным оказалось другое — дата и место его смерти, а также ее причина. Везде было одно и то же: рак, 29 ноября 2001 года. Но Ольга права: весь Интернет не подделаешь. И Пашка никак не мог найти подтверждение именно *своим* воспоминаниям.

«Ладно, видимо, сегодня неудачный день», — решил он и, с трудом встав, молча побрел в свою комнату.

— Выспись, — послышалось вдогонку.

— Хорошо, что не «проспись», — буркнул он, но сестра его не услышала.

Проснувшись, Пашка ощутил небывалый прилив сил. Странная ситуация с Харрисоном казалась крайне дурацкой, однозначно не стоящей и выеденного яйца. И чего это он так разволновался накануне? Даже смешно. Пашка бодро вскочил, сделал парочку упражнений, принял душ и приготовил яичницу с колбасой (просто объедение). Пока она жарилась, он, чтобы точно не забыть винчестер с файлами дизайна, отключил его от своего ноутбука и запихнул поглубже в рюкзак.

Уплетая яичницу, от души сдобренную перцем и кетчупом, Пашка лихорадочно строил очередной план покорения Алины. Хотя нет, сначала хотя бы познакомиться нужно. Это самое сложное, но осуществимое. А вот потом...

— Я положила винчестер тебе в рюкзак, — сказала заглянувшая на кухню сестра. — А то забудешь его, как в тот раз.

— Мм? — рассеянно промычал Пашка.

— Я говорю, привет, лунатик! Винчестер уже у тебя в рюкзаке.

— Конечно, в рюкзаке, — пожал плечами Пашка. — Я его туда и положил. Только что.

Ольга вздохнула.

— Не хочешь сказать спасибо — не говори. — Она делано надула губы. — Но только что это я сделала. Неблагодарный медведь!

Пашка медленно вытер салфеткой губы. Хорошее настроение начало постепенно улетучиваться.

— Я. Его. Сам. Принес, — разделяя слова, твердо сказал он. — И положил в рюкзак. Ты продолжаешь, что ли?

— Что продолжаю? — округлила глаза сестра. — То ты да-ту смерти Харрисона путаешь и нарушаешь собственную традицию, то ночью по квартире бродишь в одних трусах...

— Я брожу?! Не было такого!

— Ну а кто? Не я же!

Пашка с шумом отхлебнул кофе. Подумав, отхлебнул еще раз. Ольга облокотилась о стенку и прищурилась:

— Слу-у-у-ушай... А ты, случайно, не влюбился?

Ей было не отказать в женской интуиции. Пашка почувствовал, что краснеет. От этой мысли он начал краснеть еще больше.

— Не твое дело, — буркнул он.

— Да ла-а-адно! — заулыбалась Ольга. — Поздравляю! Давно пора, а то все бобыль да бобыль. Да и мне будет с кем потрещать скучными зимними вечерами. А?

— Ага! — отрезал Пашка и принялся доедать яичницу.

Когда сестра уже закрывала за ним входную дверь, он вдруг вспомнил:

— А что ты там сказала, будто я традицию нарушил?

— Ну как же! Каждый год отмечали поминки Харрисона, а вчера ты делал круглые глаза, отказал Василию и... вообще был странный.

Пашку будто обухом по голове стукнули. Ничего не говоря, он развернулся и со всей дури побежал вниз по лестнице, хотя обычно со своего пятого этажа ездил на лифте.

Нет, может быть, винчестер он действительно положил в рюкзак не сегодня, а вчера? Он почти каждый день это делал, вот оно и вошло в устойчивую привычку. А сегодня он забыл, потому что... потому что... Ладно, это Ольга его и принесла. Увидела сквозь приоткрытую дверь, что винчестер все еще присоединен к ноутбуку, и принесла. Это еще можно было объяснить.

Но лунатик? Хм. Это что-то новенькое! Но ведь сомнамбулы вроде как и не помнят своих ночных походов... Это

тоже можно понять, хотя такая «клиника» ему совсем была не нужна.

Дата поминок Харрисона? Объяснить можно лишь розыгрышем. То она говорит, что никакой традиции не было, то будто он нарушил эту самую традицию. Глупость какая-то!

И дата смерти — 2001 год. Да еще и смертельный рак... Нелепость какая-то. Здесь таилось нечто совсем уж непонятное. Никакими любовными переживаниями это не объяснялось.

Хотя... Пашку озарило. Все-таки он вращался в айтишном мире, даже более того — программистской фирме. Ведь можно было написать вирус, меняющий в браузере определенный текст буквально на лету, причем для любого сайта, а потому вся эта история — действительно просто розыгрыш.

Пашка немного успокоился и вышел из дома. Итак, Ольга и его друзья решили над ним подшутить. Богдан или Леха написали вирус и заразили компьютер сестры, а также, скорее всего, и его ноутбук... Пашка вытащил из кармана смартфон. Ольга его могла взять в любой момент. Наверняка заражен и он! И компьютер на работе, конечно. Он ухмыльнулся — потому что это все объясняло.

А еще можно было бы прямо сейчас позвонить кому-нибудь и спросить про дату смерти Харрисона. Пашка набрал Серегу Бутегина — относительно нового знакомого с соседнего факультета, конкретного ботана, зато имеющего дома первоклассный телескоп. Вряд ли он может иметь какое-либо отношение к розыгрышу.

— Алло, Серый?

— Здравствуй, Паша.

— Привет. Не удивляйся, у меня тут просто вопросик один. Не помотришь ли в Гугле точную дату и место смерти Джорджа Харрисона, из Битлов? Очень надо, я сам сейчас никак не могу.

— А тебе зачем? Хотя ладно, сейчас... Год я помню, кстати, вроде две тысячи второй.

— Какой-какой? — прыснул Пашка. От сердца сразу отлегло. Да они вообще все с ума посходили! Этот ботан даже не мог запомнить год, который ему Васька указал! Смешно. Прямо всемирный заговор против него, Пашки. Сейчас он

заявит: «...ой, я ошибся, извини; конечно, это произошло в две тысячи девятом, двадцать девятого ноября!»

— А, накладочка вышла, — раздался извиняющийся голос Сереги. — Он умер от рака мозга 29 ноября 2001 года в Лос-Анджелесе, Беверли-Хиллз, в доме своего друга...

— Понятно все с вами, мистер! Спасибо, пока! — Не дожидаясь ответа, Пашка отключился.

Но каковы, а? Добрались даже до этого Бутегина. Вот что значит век цифровых технологий: никто и ничто не может быть тайным. Серегу могли вычислить и связаться с ним в «Одноклассниках» или «ВКонтакте», эка невидаль... Как он согласился? Сложно было сказать, но то, что Бутегин оговорился, указав третий вариант года, возможно, и есть его намек на розыгрыш, своего рода подсказка. Только зачем разыгрывать так сложно?

Когда он вошел в офис, все уже усердно молотили пальцами по клавиатурам. Не было только Богдана — у него, как и у его одногруппника Тимохи, в институте сегодня был зачет.

«Ах, засранцы», — почти с любовью подумал Пашка, пожимая коллегам руки.

— Я принес дизайн, как ты вчера и просил, — сказал Пашка Ваське. Шеф с озабоченным видом что-то чертил стилусом на специальном графическом планшете. Он был единственным, кто приходил в офис в строгом сером костюме — по этому поводу у него был даже бзик.

— Я просил? — задумчиво пробормотал Васька, не отрываясь от работы. — Вчера?

— Ну да.

— Мы вроде бы давно уже договорились об окончательном варианте на четверг. А вот вчера вечером, по телефону, ты отказался пить за Харрисона — это я помню. Не, без претензий. — Он взглянул на Пашку. — Наверное, это давно уже надо было закончить. Но ты меня своим «базаром» удивил, надо сказать.

— Ясно, не бери в голову, — махнул рукой Пашка. Именно это он и ожидал услышать сегодня от друзей. Ну точно — засранцы. — Был просто офигенно трудный день.

Васька кивнул, уткнувшись в планшет, и очередной рабочий день вошел в привычную колею.

И не было ничего удивительного в том, что Харрисон снова погиб именно в автокатастрофе и именно в две тысячи девятом — Википедия снова говорила об этом на компьютере Пашки... Розыгрыш не удался, но дурацкое чувство осталось.

Следующие два дня промелькнули совершенно незаметно. Окончательный дизайн был наконец-то сдан, и шеф остался доволен, пообещав Пашке небольшую премию. О Харрисоне и традиционной встрече никто больше не вспоминал. Пашка махнул рукой, решив, что они просто ждут его ответной реакции, чтобы оставить в полных дураках и от души потом поржать. «Не дождетесь», — подумал он и вел себя как ни в чем не бывало.

Вечером того же дня он шел от метро по проспекту Большеви́ков и, довольный, посасывал из алюминиевой банки свое любимое пиво. Протопав пару длинных домов со встроенными в первые этажи магазинчиками, он внезапно остановился. Что-то здесь было не так... Но что?

Он медленно развернулся и пошел назад, вглядываясь в узкие витрины парикмахерских, ювелирных и продуктовых магазинов, разных барахолок. Вот оно!

Это была деревянная дверь в маленький магазинчик всякой всячины. Преодолев газон, Пашка подобрался ближе. Дверь была старой, рассохшейся, довольно грубо выкрашенной в темно-зеленый цвет, причем явно давно — краска кое-где уже начала облупливаться.

Все бы ничего, но ведь Пашка отлично помнил, что последние несколько лет она была ярко-оранжевой, такой же, как и надпись магазина сверху нее. И несколько дней назад она оставалась оранжевой, это точно... или нет?

Он подобрался к двери вплотную, взойдя на крыльцо. Колупнул ногтем краску. Покрашено давно, очень давно. Но та ли это дверь? Пашка вытер губы и оглянулся. Несомненно, это именно та самая дверь. Они с Лехой прошлым летом, порядочно нагрузившись алкоголем у кого-то на дне рождения, даже сфотографировались вот на этих ступеньках! Еще рожи корчили такие, что маленькая девочка на руках у матери, завидев их, заплакала. Да-да, точно!

Пашка поставил банку на перила лестницы и вытащил смартфон. Фотографии должны были сохраниться в памяти устройства, потому что он их так и не перенес в хранилище на винчестере. Найдя нужную папку, он долго рассматривал серию фотографий, увеличивая места, где лучше видно, рассеянно возюкал пальцем по поверхности сенсорного экрана и... думал. Думал и еще раз думал. Дверь на фотографиях была этой же, но... именно оранжевой. Ярко-оранжевой. Однозначно.

Так как ее верхняя часть была стеклянной, вскоре его заметила продавщица — полноватая женщина лет сорока пяти с пышной копной светлых волос.

— Вы что-то хотели? — спросила она, выйдя на улицу. — Стоите все тут, а не заходите...

— Извините, — пробормотал Пашка. — А не подскажите ли, вот эта ваша дверь — ее когда красили в последний раз, не помните?

— Вы из инспекции? — нахмурилась женщина, правда, тут же засомневалась, так как Пашка был слишком молод для такой должности, да и его растерянность не была обычным свойством инспекторов.

— Нет-нет, мы тут с друзьями просто поспорили...

— А что такое?

— Она ведь была недавно оранжевой, не так ли? Ну, год назад — точно, правда?

— Нет, я что-то не припоминаю. Два года тут работаю и сколько помню, — продавщица костяшками постучала по краске, — она всегда была такой, зеленой. Старая совсем, покрасить-то, кстати, не мешало бы... Или вообще заменить на пластиковую: у всех соседей есть, а у нас развалюха какая-то! Да хозяин все никак не соберется...

Пашка сунул ей под нос смартфон:

— Вот, это снято в прошлом июле. Она же оранжевая!

— Ой, извините, я в этих телефонах вообще не разбираюсь! — замахала руками продавщица.

— Не, ну погодите, при чем тут телефон? Вот же фотография, видите? Это же ваш магазин?

— Ну мой...

— А дверь-то, дверь: разве зеленая? Смотрите, — горячился Пашка, — оранжевая!

— Значит, фотошоп!

— Никакого фотошопа. Оранжевая.

— Молодой человек, мне работать надо! — Продавщица оттолкнула его руку и принялась протискиваться обратно в магазин. — Ходют тут всякие!

— Погодите! — взмолился Пашка, но женщина уже топала по проходу меж стоек.

— Ах ты... — пробормотал он и рванул край отслоившейся облицовки. Раздался громкий треск, и в его руках оказался треугольный кусок размером с ладонь. Зеленая краска словно смеялась над Пашкой.

— Милиция! Я сейчас милицию вызову! — обернувшись, взвизгнула продавщица.

Чертыхаясь, Пашка со всех ног кинулся по ступенькам вниз и помчался по скверу, а банка пива так и осталась сиротливо стоять на перилах лестницы.

Придя домой, он закинул в угол прихожей обломок облицовки, который до сих пор крепко сжимал в руке, разделся, налил себе водки и позвонил Лехе. Может быть, тот помнил, какого цвета должна быть дверь в том магазинчике?..

— Дверь? — несколько раздраженно переспросил Леха. — Тебе зачем?

— Для дизайна, — отрезал Пашка.

— Откуда ж я помню?! Давно было, а я пять лет уж на Нарвской живу, по Большевикам не хожу... Не, не знаю. Вроде серая она была. Или черная. Да, точно — черная.

Черная, значит. Нет, они все определенно издеваются над ним!

И Пашка напился — благо в холодильнике стояла непочатая бутылка «Адмиралтейской». Ольга ворчала, возмущалась, но потом отстала. Слава богу, жили они отдельно от родителей — эта двушка им досталась от бабушки, а отец с матерью наотрез отказались уезжать из родной Гатчины.

Ближе к полуночи Пашка, уже почти ничего не соображая, доплелся до кровати, кое-как разделся, расшвырвав одежду по всей комнате, и завалился спать. Конечно, он не мог видеть, как минут через пять после этого совершенно бес-

шумно и без всяких киношных эффектов «трофейный» кусок обложки, расположившийся на пылесосе в углу прихожей, сменил свой цвет с зеленого на оранжевый...

Утром, преодолевая боль в голове, он тупо крутил обломок в руке и пытался понять: пугаться ему или радоваться. Обложка была того самого, родного цвета молодого апельсина. И кому он что теперь докажет? Да еще дыша жутким перегаром? Эх, надо было вчера сфотографировать этот обломок! Но кто же знал?!

— Чего мусор в дом таскаешь? — спросила Ольга, хрумкая большое зеленое яблоко. Оно было, видимо, кислым, потому что сестра изрядно крякала и морщилась.

— Память о былом, — задумчиво ответил он и прошел к себе в комнату. Нужно было кое-что проверить.

Оказывается, теперь Википедия утверждала, что Харрисон умер 30 ноября 2001-го. Не 29 ноября, а на сутки позже. И уж тем более не 11 апреля, спустя восемь лет. Это был третий вариант одного и того же события! Он уже начал путаться.

Конечно, Википедия — сайт публичный, править текст там может кто угодно и когда угодно. Но можно посмотреть дату правки. Пашка посмотрел — правка делалась более трех недель назад и не затрагивала дату смерти артиста. Вот как, значит.

— Можешь мне устроить ЭЭГ? — спросил он Ольгу. Та уже управилась с яблоком и теперь сосредоточенно красилась перед зеркалом.

— Чего?

— Ну, это... электро.. энцефа... грамму, что ли? Электроды к мозгам. Типа провериться хочу. Может, у меня мозги набекрень.

Ольга работала терапевтом в частной поликлинике на Владимирском проспекте и могла это устроить.

— А что случилось? — тревожно спросила она. — Заболел? Голова кружится? Ударился?

Он неопределенно пожал плечами:

— Обморожение. Глюки. Альцгеймер.

— О... — Она еле заметно усмехнулась. — Хочешь от работ отлынуть? Может, пить надо меньше, тебе не кажется?

— Я и так раз в месяц! Ну или два...

— Ладно, ладно. Просто с твоим бодуном кто ж тебя примет? Нужно предварительно записаться к невропатологу, а он уже решит, надо это тебе или нет...

— Надо, надо! Ты не понимаешь!

— Да ты чего такой нервный? — Она внимательно посмотрела на него. — Для белой горячки ты слишком мало пьешь, пожалуй... Так в чем тогда дело?

— Ну пожалуйста! — взмолился он. — Я после обеда про-
чихаюсь. Обещаю.

— Но тогда тебе лучше пройти комплексное обследование! Запишись к нам и...

— Не нужно мне комплексное обследование! Не сейчас... Просто мозги посмотреть надо бы. Там же будут видны серьезные нарушения?

— Ну, смотря что именно и где... ЭЭГ — это, как обычно говорят, регистрация функциональной структуры работы мозга. Понимаешь?

— Нет. Может, тогда и томографию сделать? Чтобы уж все сразу.

— Ну, знаешь!.. Томографа у нас нет, и тут очень хороший специалист нужен, без него аппарат — лишь пустая жестянка. Запишись к врачу, говорю!

— Да фиг с ним тогда, с томографом, — махнул рукой Пашка, потирая лоб. — ЭЭГ устроишь?

— Хорошо, — поморщилась Ольга. — Только обещай мне, что после этого пройдешь все как положено! И я проверю.

Она принялась кому-то звонить, а Пашка в это время отпросился у Васьки, сославшись на отравление.

— Подъезжай на Владимирскую к двум часам, — сказала наконец Ольга. — В регистратуре там сейчас новые девочки, скажешь, что ко мне, а там я тебя уже пошлю... куда надо... — И она рассмеялась, хотя как-то совсем невесело. — Паспорт не забудь.

Поев горячего борща и наглотавшись перед выходом таблеток (апробированный антипохмельный набор: парацета-

мол плюс аскофен или анальгин), Пашка отправился в клинику.

Он развалился на жестком сиденье поезда и от нечего делать разглядывал рекламу, которой был обклеен весь вагон. «Возьмите ипотеку!», «Невиданные скидки на шубы», «Безумное представление в Ледовом», «Новая книга Андрея Заславского о параллельных мирах», «Покупайте квартиры в СМУ-14»... О параллельных мирах? Пашка повернул голову обратно. «Новая книга Андрея Заславского о параллельных мирах». А ведь точно! Все сходится! Ни черта он не болен. Он просто переносится в параллельные миры. Туда-сюда. То здесь, то там. У Пашки захватило дух. Вот это здорово! Какие перспективы, только подумать! Да и вообще — сам факт!..

Он уставился на долговязого парня, клевавшего носом напротив него. Будто что-то почувствовав, тот открыл глаза и мрачно уставился на него. Пашка выдержал взгляд и затем снова занялся своим невероятным открытием. На самом деле существовало несколько вариантов происходящего, не только иные миры объясняли все эти странности. И лишь версию о розыгрыше не стоило рассматривать. Понятно, что она совершенно не канала.

Итак, первое. Он действительно болен. Согласно принципу «Бритвы Оккама», это было самое простое и реальное объяснение, а следовательно, и наиболее вероятное. Но это было *плохое* объяснение, и Пашка его сразу отодвинул на последний план. Провериться, конечно, никогда не мешало, тем более если у тебя родная сестра работает в клинике, но верить в это не хотелось.

Второе. Ему это все кажется. Вообще все! Он спит. Это такой безумно долгий и правдоподобный сон. Но для сна все это продолжалось, пожалуй, *слишком* долго, последовательно и... правдоподобно. Нет, это вряд ли.

Третье, точнее, гибрид первого и второго. Он в коме. Может быть, его сбила машина, и сейчас он, подключенный к аппарату искусственного дыхания, лежит в какой-нибудь захламленной больнице. Слева — стойка с попискивающими приборами, всякие там осциллографы выводят график сердцебиения и дыхания, пластмасса, хром и стекло. Кнопки, переключатели. Справа — две... нет, три капельницы, своими

жалами пронзающие его синюшные вены и артерии... Он, прикрытый противно пахнущей серой простыней, вытянувшись, лежит на плоской холодной койке. В носу — две трубочки. Он бледен, но благороден. На столе — цветы и ваза с апельсинами. А рядом, рыдая, сидят его родители, а также Ольга. Васька с друзьями, наверное, тоже заходят, однако все реже и реже...

Пашка помотал головой. Нет, как-то это слишком уныло.

Четвертое. Это эксперимент! ФСБ, ЦРУ, инопланетяне — не важно. Но его колют наркотиками и держат в секретном подвале. И подключили его бедный мозг к компьютеру. Тогда это все — офигительная, но не полностью правдивая симуляция! Как в «Матрице». Хм... В этом было что-то эдакое... немного зловещее, особенно в варианте с инопланетянами, поэтому данный пункт Пашка также отставил.

Все эти версии предполагали виртуальность того, что он видит и ощущает. Но что, если все вокруг *реальное*? И реальностей этих — много?

Итак, пятое. Параллельные миры существуют! И он, Пашка, путешествует по ним! Это звучало фантастично, но тем не менее казалось правдоподобным. Он каким-то образом переходил из одного мира в другой, даже не замечая этого! Ни вспышки, ни хлопка или помутнения сознания — раз, и все. Пашка даже заерзал на сиденье от волнения.

Отличия между вселенными оказались не такими уж и маленькими. Конечно, рассуждал Пашка, если бы вдруг в одном из миров, в некоей параллельной России, все еще существовал царизм или даже бегали динозавры, тогда да — это было бы круче некуда, как доказательство, конечно. Но могло оказаться и так, что они отличались бы лишь расположением пары пылинок или даже атомов в одной молекуле — возможно ли это заметить? Как вариант — он переходит из одного мира в другой огромное количество раз, миллион в секунду, но все эти миры друг от друга практически не отличаются.

Случались ли подобные перемещения раньше? Пашка точно сказать не мог, но это было вполне возможно. Почему же оно стало случаться чаще и так явно? На этот вопрос Пашка тоже ответить не мог.

Скорее всего, он не был уникалом. Ведь наверняка каждому из нас случалось вдруг замечать, что вот он точно знает, что положил ключи именно на это место, а они через секунду оказываются совсем в другом. Или такие же непонятки с цветом соседской двери. Или вот приходишь к другу, а он на тебя почему-то злой, и ты понять не можешь за что. А это ты, но из параллельного мира, чем-то ему не угодил, а потом р-р-раз — вы меняетесь местами, и начинается недопонимание...

Может быть, в последнее время его способность перемещаться как-то усилилась? Но почему? И как это вообще происходит?

А главное, что с этим делать дальше? Ведь он ничего не мог не то что контролировать, но даже заметить сам момент перехода. А если ты ничего не контролируешь и не замечаешь, то как этим реально воспользоваться?

Пашка вышел из поезда и направился к переходу на станцию «Владимирская», нервно облизывая внезапно ставшие сухими губы. Нужно было найти во всем этом рациональную систему, но прежде — собрать воедино все имеющиеся факты.

Итак, он заметил как минимум три мира, которые были установлены через несоответствие даты смерти Джорджа Харрисона и цвета двери магазина на проспекте Большевиков. Наверняка отличий было куда больше, в сотни и миллионы раз больше, но он заметил только эти, да и то случайно.

В его мире, предположительно родном, Харрисон погиб 11 апреля 2009-го, а дверь была оранжевой. Затем был мир, в котором музыкант умер 29 ноября 2001-го, и дверь в магазине была зеленой. Наконец, в третьем мире это случилось на день позже, но дверь снова оказалась апельсинового цвета. Возможно, существовала еще четвертая Вселенная, с черной дверью, по утверждению Лехи, но на его слова можно было внимания пока не обращать.

Что еще было известно? Перемещения мгновенны, безболезненны и вроде как не сопровождаются какими-нибудь заметными эффектами или ощущениями. Наверняка существовали чувствительные приборы, способные все это зафиксировать, но у Пашки их не было, да и чем они могли бы

быть? Что появлялось вокруг него в момент «икс»? Магнитное, электрическое поле? Радиация? Пучки нейтронов? Свечение Вавилова-Черенкова? Изменение температуры?

Далее. Перемещения могли произойти в любой момент. Он не знал, что их активирует. Его настроение? Частицы космического ветра, прилетающие из глубокого космоса? Колебания курса доллара, четность текущей минуты или что-то еще?

А может быть, по территории Питера были раскиданы эдакие порталы, через которые его и кидало туда-сюда? Не просто зоны размером с дверь, а целые границы-терминалы, тянущиеся сквозь жилые кварталы на многие километры? Правда, здесь имелась некоторая натяжка: в своей квартире волей-неволей он постоянно перемещался из мира в мир. Может быть, там, в коридоре между вешалкой и кухней, оказалась целая пересадочная станция, откуда можно было попасть сразу в несколько миров?! Или она была в его комнате. Или еще где-нибудь...

С другой стороны, откуда ему было знать, что и там, в офисе на улице Мира, для него всегда был один и тот же, родной мир? Тот самый Васька, обидевшийся на него за «несуществующий» отказ от традиции поминок Харрисона, мог быть совсем другим Васькой, не тем, с кем он поминал Битла в прошлом году или тогда, в первый раз... Он мог быть разным каждый день или даже час!

Пораженно мигнув, Пашка вдруг вспомнил один случай, дней десять или больше назад. Васька, будучи в деловом костюме, с утра был в ярко-синем галстуке. А после обеда — в зеленом. Пашка тогда подумал: ну мало ли, человек дома поменял, на обеде или с собой носит несколько штук да увлекся фэншуем и теперь меняет их в зависимости от времени суток. Эка невидаль! Тогда он этому не придавал значения, но теперь...

От всего этого кружилась голова. Проблема казалась сложной и неразрешимой. Зато какой интересной! Если решить ее, научиться контролировать, да чтобы пользу приносила!.. Какие классные перспективы могли бы открыться! Дух захватывало!

Пашка вышел на улицу и направился в сторону медицинского центра, ничего не замечая вокруг.

Еще. Что именно перемещается? Его сознание? Или тело? А если тело, то ведь и одежда, и предметы в карманах? Ведь что такое сознание? — рассуждал про себя Пашка, даже мысли не допускающий об идеалистической «душе». Мозг — это взаимодействующая комбинация миллиардов нейронов, их реакции и внутренние состояния. А самое главное, это многочисленные аксонные связи между каждым из них. Кстати, видов нейронов — пара десятков, а значит, это целостная и очень сложная система. Таким образом, память, а также личность человека представляют собой феномен, отражающий *физическую* сторону мозга, то есть в базе — его структуру.

«Хорошо сказал!» — удовлетворенно подумал Пашка. Ольга частенько рассказывала ему всякое такое, пока училась в университете. В свое время она ему все уши прожужжала подобными темами.

Нейроны — это вам не карманная флешка, где никак не связанные между собой ячейки кремниевого чипа одинаковы, безлики и способны хранить лишь ноль и единицу, а ты их уже потом интерпретируешь «именно так» только потому, что «именно так» и задумывалось во время их записи. Хранящиеся в компьютерах данные и алгоритмы, их обрабатывающие, бессмысленны без *осознающего* их индивида — того, кто их туда поместил и наполнил тем самым смыслом. Компьютер сам по себе, вместе со всеми своими лицензионными, а иногда и пиратскими программами, — лишь глупая груда железа. А вот каждый конкретный мозг как система самодостаточно и не нуждается в сторонней интерпретации и согласовании. Правила работы и внутренний смысл его многочисленных функций, а потому и вся личность человека заключены в нем самом. Но заключены они физически — в виде цельной структуры биологических подсистем.

«Эка загнул! — снова ухмыльнулся Пашка. — Да мне бы лекции по нейрофизиологии читать! Может, устроиться на полставочки в универ?»

Можно ли в таком случае считать, что эта самая разница между компьютером и мозгом и была душой? «Нет», — без

колебаний подумал Пашка, и на этом теологический аспект проблемы был закрыт.

Скорее всего, нельзя взять и «переписать» по кабелю одну личность другой. Фактически для этого необходимо было бы *физически* заменить один мозг другим. Пересадить голову, как это сделал профессор Доуэль в известном романе Беляева. А значит, перемещается не какой-то там «личность-дух», а само тело.

Задумавшись, Пашка чуть было не проскочил арку в доме, во дворе которого располагалась Ольгина клиника.

— Ты уж извини, нормальный импортный аппарат сегодня, оказывается, на профилактике, — сказала Пашке сестра, встретив его у регистратуры. — Но на ходу наш, советский. Функционально — ничуть не хуже, и это почти правда. Пойдешь?

Он кивнул. Ольга сделала кому-то звонок по внутреннему телефону.

— Иди на второй этаж, двести шестой кабинет, — сказала она. — Сядь и жди.

Пашка бодро взбежал по лестнице и уселся в мягком кожаном кресле. Рядом приткнулся низенький журнальный столик с кипой женских журналов. Где-то еле слышно играла классическая музыка, кажется, Моцарт. Коридор был абсолютно пуст. В общем, идеальное место для размышлений!

Итак, он перемещался *физически*. Это подтверждалось тем, что вместе с ним переносилась не только одежда, но и, например, телефон. В мире с *зеленой* дверью у него оставался смартфон с фотографиями *оранжевой* двери из предыдущего мира. Значит, все то, что в кармане или рядом, перемещалось вместе с ним. Звучит логично.

Пашка вытащил телефон и принялся искать эти фотографии. Почему-то он совсем не удивился, когда нашел совсем другие. Фотографии с Лехой и страшные рожи присутствовали, однако парочка стояла не на ступеньках, а рядом на газоне, и дверь магазина оказалась коричневой, причем с более высокой стеклянной вставкой...

Это уже *не его* смартфон — он прибыл из теперь уже доказанного четвертого мира!..

Значит, он, Пашка, и его вещи все-таки перемещались совершенно независимо друг от друга: одежда, рюкзак, компьютер, паспорт... Или нет? Пашка вдруг вспомнил, что вчера вечером, напившись, он свою одежду расшвырял по всей комнате, а телефон поутру обнаружил вообще в дальнем углу, у аквариума. Обычно он использовал смартфон как будильник, а потому клал его рядом с подушкой. Получалось, что шансы того, что телефон обычно перемещался вместе с ним, были высоки — ведь он постоянно таскал его с собой в чехле на поясе. Привычка эта осталась у Пашки с первого курса, когда он еще жил в общежитии, а ничего ценного без присмотра оставлять там было просто нельзя.

Прошлой ночью обмен этой собственностью все-таки произошел — смартфон оказался от него уже далеко и потому за Пашкой не последовал. Но какое должно было быть расстояние, чтобы гарантированно не расстаться со *своей* вещью? Полметра? Сантиметр? Или полный контакт хотя бы через одежду? Этот вопрос можно было проверить, чем Пашка и решил как можно скорее заняться — его совершенно не прельщало однажды получить «параллельный» смартфон с какой-нибудь... непотребной фигней. Мало ли что там, в далеких параллелях, может быть! Он поежился.

В коридор со стороны лестницы вышла толстая бабулька в белом халате, колпаке и мощных очках, наверное, купленных еще в восьмидесятых годах.

— Сейчас, минуточку. — Она приветливо улыбнулась ему и грузно прошла в кабинет.

Пашка остался сидеть. Телефон в руке и пугал и притягивал. Может, в нем действительно таится что-нибудь *эдакое*? Да нет, чего себя зря пугать! Правда, ну почему он боится эту железку? Не из антивещества же она сделана! А может, параллельный Пашка уже нашел отгадки на все эти вопросы и передал ему через телефон послание?! А ведь это было мыслью!

Дверь кабинета приоткрылась, и показался бабушкин колпак:

— Заходите, молодой человек!

Пашка вскочил и прошел внутрь.

— Кофе не пил? — спросила врачаха. — Кофеин не принимал?

Пашка перед выходом выпил анальгин с парацетамолом, поэтому ответил отрицательно. А ведь хотел наглотаться аскофена... Почему его Ольга не предупредила?

— А спал как? Выспался?

— В общем-то не очень... — пробормотал он.

— Это хорошо, — ответила бабуля. — Для анализа в смысле.

Ему еще никогда не делали ЭЭГ, а потому было очень интересно. Его усадили в удобное фиксирующее кресло и надели наушники, а затем бабуля принялась сооружать на его голове целую сетку из десятков контактов, которые она обильно смачивала водой. Два электрода были подсоединены чуть ниже глаз и еще по три — на щеки и скулы. Кроме этого, перед Пашкой стояла пара стоек с лампочками, как в фотоателье. На столе — компьютер с интерфейсом какой-то сложной программы, с кучей кнопок и разнообразных графиков.

— Нужно успокоиться и ни о чем не думать, — предупредила бабуля. — Это важно. Обещаешь?

Пашка кивнул. Но как тут ни о чем не думать, когда у него на уме настоящие космические проблемы?

— Представь что-нибудь хорошее. А еще лучше — будто пытаешься уснуть. Все мысли прочь! Прочь!

Легко сказать!

Затем Пашка слушал различные сигналы — то в правом ухе, то в левом, по приказу открывал и закрывал глаза, ему светили лампочкой с разных сторон, он дышал — то медленно, то быстро, сжимал и разжимал кулаки, а потом рассматривал на картонках буквы и символы. Все его действия регистрировал компьютер, и продолжалось это почти полчаса. И он честно старался полностью расслабиться. Нельзя, чтобы его тревожнения сказались на результате.

— Посиди немного в коридоре, — сказала наконец бабуля, снимая с него электроды. — Это недолго.

Пашка снова уселся в кресле напротив кабинета. Он принялся изучать содержимое телефона, пытаясь найти Тайное Послание, однако ничего подобного не оказалось, лишь некоторые фотографии, по его мнению, были... слегка не теми. Но это еще спорный вопрос. Память — штука сложная, она может кого угодно подвести. Только те снимки, у магазина

мелочовки, однозначно говорили о перемещении между параллельными мирами.

Бабуля вышла в коридор и передала ему листок с анализом.

— В общем, все нормально, — благодушно сообщила она.

— В общем? — с тревогой переспросил он.

— Да, просто небольшие отклонения в неспецифических отделах мозга, ничего страшного.

— То есть жить буду? — попытался пошутить он. — И я не псих?

— Нет, не псих, — рассмеялась врачиха.

Он пошел к выходу, перезванивая Ольге.

— Ну что, — живо спросила она, — все нормально?

— Ну вроде да, — неуверенно ответил он. — Какие-то небольшие отклонения в неспецифических отделах... Это что такое?

— Значит, с тобой все в порядке. Мозжечок с гипоталамусом на месте? Буквы все узнал? Ну и ладно!

Пашка сестре доверял безмерно, поэтому настроение у него снова поднялось.

— Я буду поздно сегодня, — сказала Ольга, — купи на вечер чего-нибудь вкусенького, ладно? И соку не забудь.

Пашка шел обратно к метро и снова размышлял. Был еще один важный вопрос: те самые параллельные Пашки — что у него было с ними схожего, а что нет? Выходило так, что их действия были синхронны лишь до той степени, в какой их миры совпадали в плане жизни, интересов и окружения каждого из них. Если Джордж Харрисон в некоторых из миров погиб 11 апреля 2009 года в автокатастрофе, избежав болезни в 2001-м, и если они в тот день, в шестом классе, пошли к Тимохе из-за обломившегося дня рождения подруги Лехи, и опять же, если у них зародилась традиция отмечать каждый год поминки знаменитого Битла, то... То во всех этих родственных мирах они всегда встречались в середине апреля и пили пиво под записи «Битлз». Во всех остальных мирах — нет. Хотя Пашка и не исключал, что существовали и такие вселенные, где они отмечали какую-нибудь другую дату, например, их заинтересовала не гибель Харрисона, а день рождения Леннона. Или Курта Кобейна.

Получается, что в какие-то моменты он со своими параллельными воплощениями действовал абсолютно одинаково, синхронно: думал, ел, спал, рисовал дизайн, а в другие — нет, они жили различно. В такие дни они вообще могли находиться в разных частях города.

А что произойдет, если он переместится в мир, где «тот Пашка» в этот момент будет находиться в совсем другом месте?! Его перекинет в пространстве? Или он просто появится из воздуха на глазах у всех, например, в институте, а тот, второй, в тот же миг исчезнет из офиса на «Горьковской»?

Он вошел в вестибюль метро. Нужно было ехать в этот самый офис и продолжать создание «самой лучшей программы в мире».

А что будет, думал он на эскалаторе, если в такой вот день *несинхронности* он переместится в мир, из которого параллельный Пашка не уйдет, потому что для этого не возникнет подходящих условий? Их станет там двое? А в этом мире — ни одного? А если «параллоид» вообще погибнет за день до перемещения в его мир и Пашка попадет на *почти собственные* поминки?! Он похолодел. Это уже казалось серьезным последствием.

Может, именно этим объясняются многочисленные пропажи людей? Знакомый полицейский, давний ухажер Ольги, рассказывал как-то о припаркованной на проспекте Художников машине, которую он лично обнаружил. В салоне никого, двигатель заведен, играет музыка, документы лежат, борсетка с деньгами — ничего не тронуту. А водителя нет. Мужика того так и не нашли. У него не было врагов, и банкам не задолжал. Мистика... И таких случаев, по словам того постового, пруд пруди.

Хотя нет, тогда существовала бы куча историй и о появлении двойников. В одном мире они исчезают, а в другом появляются, ведь так? Впрочем, и такие байки были в ходу, но что происходило на самом деле, сказать было сложно — не всем городским легендам стоило доверять.

Может, «лишний Пашка»... аннигилирует, просто бесследно исчезает?! Это звучало еще более устрашающе. А кто был этим «лишним»: тот, кто оставался на месте, или тот, кто перемещался? Вот ведь ситуация, а! Идешь такой красивый

по улице, никого не трогаешь и даже никуда не перемещаешься, а тут на соседнюю улицу прыгает какой-то там «параллоид-дебилоид» — и на твоём месте воронка от взрыва?! Беспредел!

Ну вот есть же парадоксы времени: ты перемещаешься в прошлое и убиваешь свою бабушку. Что произойдет? Это зависело от фантазии автора того произведения, в котором описывалась эта ситуация. Но обычная физика это запретила.

Возможно, существовали и парадоксы путешествий по параллельным мирам — сами перемещения существовали, Пашка в этом уже не сомневался, а с их парадоксами, возможно, ему только предстояло встретиться...

С самого начала Пашка решил применить научный подход к изучению своего феномена. Переход между мирами, как очень серьезная вещь, по его мнению, не мог обойтись без физических эффектов, наверняка сопровождаясь каким-нибудь излучением, и его можно было бы попытаться поймать. А самый простой и очевидный регистратор — это обычный счетчик Гейгера.

Без колебаний он заказал в интернет-магазине хороший бытовой дозиметр на альфа, бета и гамма-излучение, чувствительный электронный термометр и один из самых дешевых анализаторов естественного электромагнитного поля. Цены на последние, как оказалось, очень даже кусались, но все эти траты, по мнению Пашки, не могли, а *должны* были окупиться не просто сторицей, а десяткой в двадцатой степени — долларов, разумеется.

Правда, половину необходимой суммы ему еще нужно было занять у Ольги. По этой причине он даже не пытался приобрести дозиметр нейтронного излучения или что-нибудь комплексное, с регистрацией на компьютере — такое оборудование уже было чисто профессиональным и могло обойтись в половину стоимости подержанной иномарки. К огромному сожалению, ни одного знакомого с физфака у него не оказалось, а ведь у них там были приборы и покруче... Впрочем, он надеялся, что хватит и банального счетчика Гейгера.